

УДК 821.161.1: 82-1

С. В. Рудакова (Магнитогорск, Россия)
В. В. Цуркан (Магнитогорск, Россия)

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ПРОЗЕ А. БИТОВА

Аннотация. Концепт «Война», относимый рядом исследователей к периферийным в прозе А. Битова, не получил должного освещения в работах современных литературоведов. Авторы статьи пытаются восполнить данный пробел, анализируя особенности репрезентации концепта в эссе, повестях и рассказах А. Битова 1960–2000-х гг. В статье рассматриваются подходы писателя к осмыслению темы войны, проводится анализ семантики концепта, позволяющий раскрыть представление о войне как о беде, катастрофе, геноциде, зле, насилии. Авторы статьи исследуют два аспекта осмысления войны в творчестве А. Битова: как личной боли писателя, так и ведущей к необратимым последствиям трагедии всего народа. В ходе анализа обнаруживается корреляция концептов «Война», «Детство», «Память», «Семья», которая служит созданию образа эпохи через коллективный портрет людей военного и послевоенного поколения. Особое внимание уделяется тому, как, обращаясь к теме Великой Отечественной войны и геноцида народа, писатель активизирует комплекс эсхатологических и апокалипсических мотивов и образов, расширяющих возможности философской интерпретации концепта. Проведенный анализ доказывает, что мирообраз войны, акцентированный в спектре аксиологических, культурно-исторических, нравственно-философских, мифологических и символических толкований, является для А. Битова одним из наиболее эстетически и идейно значимых. Использование метода концептуального анализа помогает продемонстрировать особенности мировосприятия писателя и соотнести художественный мир его произведений и русскую национальную картину мира.

Ключевые слова: А. Битов, концептуальный анализ, память, война, блокада, эвакуация, геноцид, судьба.

Одним из приоритетных направлений современной филологии является изучение концептосферы творчества писателей или рассмотрение отдельных художественных концептов того или иного автора. Категория концепта притягательна как для лингвокультурологов, так и для литературоведов, но если первые основное внимание обращают на историко-культурные смысловые подтексты концепта [5; 8], то для последних более притягательным оказывается выявление через анализ концептов индивидуального мировидения авторов. Литературоведы, как правило, привлекают системные отношения [4; 6; 13], в которые вступают концепты в художественном мире того или иного автора, либо взаимодействия отдельных концептов [2; 9; 10; 11].

Концепт «Война», не нашедший прямого воплощения в прозе А. Битова и потому, возможно, недооцененный рядом исследователей [3; 6; 12], присутствует в текстах писателя подспудно – на уровне мотива, темы или микросюжета, внезапно проступая в картинах бомбежек, блокады, в упоминаниях о «хлебной норме». Война представлена в битовской прозе двумя полюсами изображения: сужением до ракурса личной трагедии индивидуального бытия [2, с. 42] или расширением – противопоставлением ужасов войны общечеловеческим ценностям.

Изображение «самой наигорчайшей правды» [14, с. 28] военного времени уже в раннем творчестве А. Битова связывает концепты «Война», «Память» и «Детство», служащие «для передачи как имперсонального, так и самого сокровенного, личного» [11, с. 734]. С зимы 1941–1942 гг., по словам А. Битова, собственно, «начинается его память»¹. Война застала семью писателя в Ленинграде. После первой блокадной зимы по «Дороге жизни» мать перевезла его вместе с братом в уральский поселок Ревда, а потом – в Ташкент. В рассказах «Ба-

¹ Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства М.: Независимая газета, 2002. С. 519.

бушкина пиала» (1958), «Большой шар» (1961), «Нога» (1962), насыщенных автобиографическими деталями, с войной связаны мотивы бегства, одиночества, голода, смерти. Основными вербализаторами концепта «Война» являются лексемы *бомбежка, страх, голод, беда, эвакуация, кровь, боль*.

В рассказе «Бабушкина пиала», открывающем тему войны в прозе А. Битова, повествование включает в себя два временных измерения – «тогда» и «теперь». Необычная чашка без ручки, найденная в старом шкафу, пробуждает в сознании героя рассказа воспоминания о тяжелой дороге в Ташкент: *«В теплушке на меня свалилась стремянка с грузным пассажиром. Это было больно. Выбежав поменять хлеб, от поезда отстала мама. Это было страшно. Я завишел. Это было противно. Нечего было есть. Это был голод...»*².

Военным лишениям писатель противопоставляет живую, теплую, почти сказочную атмосферу бабушкиного дома, в котором есть высокая чистая кровать, прочно наступающий на пол дубовый стол и даже выглядывающий из золотого стаканчика настоящий белый сахар. Однако в ташкентскую идиллию то и дело вклиниваются образы, напоминающие о войне и насилии. В концепте «Война» на первый план выступают оппозиции «жизнь / смерть», «свой / чужой», «верность / предательство». Сплетая слои памяти, включая воспоминания о близком человеке в рассказ о настоящем Алеше, писатель проясняет логику сцепления разрозненных, на первый взгляд, эпизодов в эпиграфе, взятом из поэмы Исикава Такубоку «Не-разрешимое разногласие». Благодаря этим строкам становится понятно, почему пожилые родители героя оказываются в одном ряду с ушедшей из жизни бабушкой, а труба, которую перед приступом болезни красил отец – таким же напоминанием о нем после его смерти, как о бабушке – ее пиала. Память о событиях военного времени, таким образом, выступает в роли обстоятельства, заставляющего героя пересмотреть свои жизненные принципы, определить истинные ценности.

Исповедальная интонация неизменно сопутствует битовским воспоминаниям о войне, далеким от привычных представлений о детстве. Соединение ретроспективного и проспективного планов повествования позволяет подчеркнуть в концепте «Война» значение памяти – своеобразного «пятого измерения», позволяющего герою встретиться с истинным своим «Я». При этом внутреннее, субъективное время, характеризующее глубинные, подсознательные движения души, постоянно пересекается в прозе А. Битова со временем историческим, как это происходит, например, в эссе «Восьмой немец» (1993): *«Вон я там сижу, в сорок первом, на маленькой скамеечке, около печурки под названием “буржуйка”; вокруг этой единственной отапливаемой комнатки в квартире метровый лед, вокруг дома – бомбежка; вокруг города – океан войны с фашистом, вон я там сижу, раскачиваясь, как китайский болванчик, и заунывно и бесстрастно часами пою на одной ноте: “Я голонный, я голонный, я голонный...”*. Мне – ничего, представляю, каково это матери»³.

О чувстве голода, перед которым отступает страх смерти, писатель вспомнит и в эссе, посвященном публикации «Записок блокадного человека» Л. Я. Гинзбург. Книга известного литературоведа, философа, учителя и друга станет для А. Битова *«дерущим душу»*⁴ документом о мельчайших движениях блокадника, *«пещерно добывающего огонь и воду, стоящего в очереди, приготовляющего пищу, отходящего ко сну»*; повествованием о мизерной *«блокадной пайке»*, о *«технологии умирания, практике выживания»*⁵. В своих размышлениях о противоестественности войны писатель восемь раз использует эпитет *жуткий*, несколько раз признается: *«мне страшно»*⁶. Изучая военный быт из *«незаполненного»*, *«ненасыщенного жизненного пространства»*⁷, в который раз пытаюсь *«добежать до реальности»*, А. Битов как бы «перетекает» из индивидуальной памяти в память коллективную, ибо выживание в

² Битов А. Г. Собрание сочинений: в 3 т. М. : Молодая гвардия, 1991. Т. 1. С. 9.

³ Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного: Годовые кольца 1956–1998–1937. М. : Вагриус, 1999. С. 415–416.

⁴ Битов А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства. М. : Независимая газета, 2002. С. 171.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 176.

блокаду, как пишет Л. Гинзбург, было общим, несмотря на то, что каждый житель обескровленного города выполнял свою личную историческую миссию – был ленинградцем.

Все глубже уходя в сферу непреодолимой, запредельной, влекущей в бездну прошлого памяти, военное время изображается в прозе А. Битова в виде единичных, предметных, подчас «телесных» ассоциаций. «Как в воронку, – отмечает Л. Аннинский, – падает душа в эту память, а там, в невесомости, кружатся обломки предметов и вещей, сорванных со своих орбит. Скрипит бамбуковая этажерка, не сожженная в блокаду» [1, с. 706]. Писатель напряженно вслушивается в «голоса», звучащие в подсознании, стремится к поискам экзистенции, к «окликанию» бытия. В рассказе «Глухая улица» (1979) автобиографический герой, оказавшийся в пороговой ситуации, критически осмысливает пройденный путь: *«Ничто не казалось мне. Из всех тридцати трех, исключив разве младенчество, – время просыпалось у меня между пальцев, и вот что осталось на ладони <...> Песчинки эти молчали»*⁸.

Накануне судьбоносной даты рассказчика мучает гамлетовский вопрос: забыть или помнить? При этом возвращение к «подлинности», к себе связано у него с возможностью взглянуть на собственную улицу, собственное жилье, на себя самого. Концепты «Война» и «Память» в рассказе «Глухая улица» (другой вариант названия рассказа «Судьба») организуют вокруг себя многомерное пространство. Странный дом в конце улицы оказывается последним прибежищем для людей, уже умерших, неизвестных, но дорогих кому-то. Несмотря на то, что душу героя разъедает скептицизм, преследует сомнение в реальности окружающего мира, на поставленный в рассказе вопрос он дает однозначный, единственно возможный для себя ответ: необходимо помнить, ведь прошлое человека – это часть его судьбы. Разорвать кольцо, блокаду, круг можно, только написав об этом.

Как правило, «сущностные начала» своих героев А. Битов обнажает посредством символично-мифологического психологизма и хронотопических его форм. На пересечении концептов «Судьба», «Память» и «Война» актуализируются мотивы смерти и бессмертия, метафизической вины и односторонности человеческого опыта. Так, пытаясь связать прошлое, настоящее и будущее в рассказе «Похороны доктора» (1978), писатель мифологизирует неродную тетку. Пережитая вместе с ней зима 1941 года позволяет рассказчику включить героиню в круг самых близких людей: *«Ибо с тех пор, как их не стало: сначала моей бабушки, которая была еще лучше, еще чище моей тетки, а затем тетки, эстафетно занявшей место моей бабушки, а теперь это место пусто для моей мамы, – признается А. Битов, – я им этого не прощу. Ибо с тех пор, как не стало этих последних людей, мир лучше не стал, а я стал хуже»*⁹.

Процесс апологизации в «Похороны доктора» направлен на создание идеального образа. образу тетки постоянно сопутствует мотив света. Золотой ложкой героиня помешивает варенье в начищенном, как солнце, медном тазу. Солнечный день напоминает о ее смерти. Солярная символика вносит в текст смыслы жизнестроения, всеведения. Художественному приращению смыслов способствуют и чудесные способности героини, которая, как указывает автор, в войну *«спасла от смерти меня, брата и трижды дядьку (своего мужа)»*¹⁰. Боготворя близкого человека, писатель совершает своеобразный акт преодоления уходящего времени. В воспоминаниях выкристаллизовывается образ эпохи, складывается собирательный портрет людей военного и послевоенного поколения. Повествование о тетке дает мучительный и просветляющий эффект, сообщая художественным проекциям А. Битова захватывающую убедительность.

Концепт «Война» в творчестве А. Битова многогранен, имеет разнообразные ценностные характеристики. Осознавая, что вся история человечества связана с ужасами войны, в ряде произведений, созданных на рубеже 1960–1970-х гг., писатель актуализирует комплекс эсхатологических мотивов. В «Уроках Армении» (1969) аксиологическая составляющая

8 Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М.: Фортуна лимитед, 2002. С. 523.

9 Там же. С. 556.

10 Там же. С. 554.

концепта выражена в спектре нравственно-философских толкований, репрезентируемых в понятиях «скорбь», «судьба», «конец света», «кровопролитие», «оскорбление святых». Несмотря на то, что речь идет о локальной войне, ее образ перемещается в область надчеловеческого. Опираясь на труды историков, автор травелога рассказывает о геноциде армян в Османской империи, о «резне», равной которой по свирепости и по количеству жертв мир до этого не знал. Автора «Уроков», читающего академическую книгу, ужасают катастрофические масштабы бойни: «*большинство деревень разграблено и подвергнуто избиению*», «*жители перебиты*», «*изнасилованы девицы и женщины*», «*церкви ограблены*», «*святыни осквернены*», «*настоятели монастырей умерли в ужасных пытках*»¹¹. Экспрессивная лексика в полной мере передает кошмар происходящего, определяемого как «жуткие мерзости», «оргии», «зловещие забавы садистов»: «*Им недостаточно убивать. Они калечат, они мучают*»¹². С этим апокалипсисом контрастирует дикое веселье «толп людей», которые «*развлекаются при виде этого зрелища и рукоплещут при каждом движении пытаемого*»¹³. «Я раскрывал эту книгу в четырех местах, – признается автор «Уроков», – и я больше не могу. Я кажусь себе убийцей, лишь переписывая эти слова <...> В этой книге осталось еще 500 страниц, мною не прочитанных <...> Страницы мои красны»¹⁴.

Войны, уже ставшие частью мировой истории, соотносятся в сознании писателя с угрозой новой войны, представляющей в образе противостояния враждебных идеологий и систем. «*Чудовищно тяжелые танки и бронетранспортеры*», «*системы подавления и уничтожения*»¹⁵, увиденные писателем во время ночной репетиции парада Победы на улицах столицы, приводят его к мысли о том, что война – это «дыра, в которую свищет и уходит деятельность человечества»¹⁶.

В повести «Жизнь в ветреную погоду» (1963) война явлена в виде кошмара безлично-апокалиптического атомного взрыва – «*невиданного и такого знакомого, бесшумного клубящегося кольца на тоненьком стебельке, которое раскрывается, как бутон, и медленно ворожится в нем густой, как каша огонь*»¹⁷. Вместе с тем концепт «Война» связан в повести и с категориями, затрагивающими мир личности и взаимоотношения между людьми. Битовский герой, живущий в мирное время, ведет войну с собственным отцом. Сосредоточившись на этом частном, казалось бы, аспекте проблемы, А. Битов вводит в повесть образы «*страшного одиночества*», «*необязательных разговоров*», «*раздражения*»¹⁸, вызванных нежеланием родных людей услышать друг друга. И только благодаря тоненькой нити, образовавшейся между Сергеем и его несмышленным сыном, он, отец маленького ребенка, начинает испытывать щемящее чувство неизбежного сходства с человеком, которого впервые за долгое время решает назвать словом *papa*. Духовная составляющая концепта «Война» в данном контексте оказывается доминирующей.

Таким образом, концепт «Война» в творчестве А. Битова приобретает и лирическое, и масштабное эпическое наполнение. Постигание мира и самопознание в нем происходят одновременно, исповедальность преломляется в калейдоскопе эпизодов из собственной жизни и жизни современников, обнаруживая в себе возможность широких обобщений, сопрягая частную жизнь с историческим временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. А. Странный странник // А. Г. Битов. Книга путешествий по империи. М.: АСТ, Олимп, 2000. С. 699–712.

11 Там же. С. 438–439.

12 Там же. С. 440.

13 Там же. С. 440.

14 Там же. С. 440–441.

15 Там же. С. 775.

16 Там же. С. 775.

17 Там же. С. 64.

18 Там же. С. 63.

2. Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.-сост. Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 356 с.
3. Иванова Н. Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М. : Советский писатель, 1988. 424 с.
4. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Избранные статьи. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1991. 384 с.
5. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 4–11.
6. Клех И. Ю. Непрочитанный Битов // Новый мир. 2006. № 5. С. 160–167. - [New World].
7. Лейдерман Н. Л. Судьбы системных идей в русском литературоведении XX века // Русская литература XX–XIX веков: направления и течения. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2004. Вып. 7. С. 3–28.
8. Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 63–69.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Цуркан В. В. Концепт «игра» в творчестве А. Битова 1960–70-х гг. // Libri Magistri. 2015. Вып. I. С. 168–173.
11. Цуркан В. В. Концепт «детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 731–734.
12. Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб. : Академический проект, 2006. 320 с.
13. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 17. P. 10185–10196.
14. Bedrikova M. L., Savelyev K. N., Soldatchenko A. L., Tsaran A. A., Tsurkan V. V. Depiction of war in the prose written by V. Astafyev: affirmation of the phenomenon of life as the case for humanism // Ponte. 2017. Vol. 73. Is. 9. P. 24–32.

S. V. Rudakova (Magnitogorsk, Russia)
V. V. Tsurkan (Magnitogorsk, Russia)

CONCEPT OF "WAR" IN A. BITOV PROSE

Abstract. The concept of "war" in A. Bitov's prose is attributed as a peripheral one by a number of researchers, besides it did not receive an adequate coverage in the works of contemporary literary critics. The authors try to fill this gap analyzing the features of the concept representation in Bitov's essays, stories and stories of the 1960-2000s. There also considered Bitov's approaches to understanding the war, the analysis of the nuclear and peripheral zones of the concept is carried out, as well as its semantics, which makes it possible to disclose the idea of war as a disaster, tragedy, genocide, evil, violence. The authors of the article examine two aspects of representing the image of war in A. Bitov's works: as a writer's personal pain, and as well as irreversible consequences leading to the tragedy of the whole people. The analysis reveals the correlation of the concepts "war", "childhood", "memory", "family", which helps to create the image of the era through a collective portrait of the military and post-war generation. Particular attention is paid to the theme of the Great Patriotic War and the genocide of the people, the writer activates a set of eschatological and apocalyptic motives and images that expand the possibilities of philosophical interpretation of the concept. The analysis shows that the world of the war, accented in the spectrum of axiological, cultural, historical, moral, philosophical, mythological and symbolic interpretations, is one of the most aesthetically and ideologically significant to A. Bitov. A method of the concept analysis helps to demonstrate the writer's worldview and correlate the artistic world of his works and the Russian national world.

Key words: A. Bitov, concept analysis, memory, war, blockade, evacuation, genocide, fate.

REFERENCES

1. Anninskii L. A. Strannyi strannik, A. G. Bitov. Kniga puteshestvii po imperii, Moscow, AST, Olimp, 2000, pp. 699–712.
2. Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoi literatury KhKh veka / red. i avt.-sost. T. I. Vasil'eva, N. L. Karpicheva, V. V. Tsurkan, Moscow, FLINTA: Nauka, 2013, 356 p.
3. Ivanova N. B. Tochka zreniya: O proze poslednikh let, Moscow, Sovetskii pisatel', 1988, 424 p.

4. Kagan M. S. Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie. Izbrannye stat'i, Leningrad.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991, 384 p.
5. Karasik V. I. Kontsept kak edinita lingvokul'turnogo koda, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2009, no. 10, pp. 4–11.
6. Klekh I. Yu. Neprochitannyi Bitov, *Novyi mir* [New World], 2006, n. 5, pp. 160–167.
7. Leiderman N. L. Sud'by sistemnykh idei v russkom literaturovedenii KhKh veka, *Russkaya literatura XX–XIX vekov: napravleniya i techeniya*, Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004, vol. 7, pp. 3–28.
8. Sergeeva E. V. Kontsept-universal'na i khudozhestvennyi kontsept: problema klassifikatsii, *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2006, no. 1–2, pp. 63–69.
9. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1997, 824 p.
10. Tsurkan V. V. Kontsept «igra» v tvorchestve A. Bitova 1960–70-kh gg., *Libri Magistri*, 2015, vol. I, pp. 168–173.
11. Tsurkan V. V. Kontsept «detstvo» v rannem tvorchestve Andrey A. Bitova (k antologii khudozhestvennykh kontseptov), *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, no. 3, pp. 731–734.
12. Chances E. Andrei Bitov: Ekologiya vdokhnoveniya. SPb. : Akademicheskii proekt, 2006. 320 s.
13. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking, *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11, no. 17, pp. 10185–10196.
14. Bedrikova M. L., Savelyev K. N., Soldatchenko A. L., Tsaran A. A., Tsurkan V. V. Depiction of war in the prose written by V. Astafyev: affirmation of the phenomenon of life as the case for humanism, *Ponte*, 2017, vol. 73, Is. 9, pp. 24–32.

Рудакова С. В., Цуркан В. В. Концепт «Война» в прозе А. Битова // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 53-58.

Rudakova S. V., Tsurkan V. V. Concept of "War" in A. Bitov prose, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 53-58.

Сведения об авторах

Рудакова Светлана Викторовна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова; Магнитогорск, Россия; rudakovamasu@mail.ru.

Цуркан Вероника Валентиновна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Магнитогорск, Россия; veravts2013@yandex.ru.

Authors:

Svetlana V. Rudakova - Doctor of Science in Philology, Professor of Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; rudakovamasu@mail.ru.

Veronika V. Tsurkan - Ph.D. in Philology, associate professor at the Department of Linguistics and Literary Studies, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University; veravts2013@yandex.ru.